

ЭДВАРД
РАДЗИНСКИЙ

Боги
и люди

ДИНАСТИЯ БЕЗ ГРИМА
Издательство АСТ
Москва 2016

УДК821.161.1—311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
P15

Радзинский Эдвард Станиславович

P15 Боги и люди / Радзинский Э.С. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 576 с. (Династия без грима)
ISBN 978-5-17-093844-5

«Пророки и безумцы, властители дум, земные боги... Тайна славы, загадки решений, менявшие судьбы мира, губительные молнии истории и, наконец, чертеж Господа в судьбах людей... Обо всем этом — в книге».

Эдвард Радзинский

УДК 821.161.1—311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093844-5

© Радзинский Э.С.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ТЕАТР ВРЕМЕН НЕРОНА И СЕНЕКИ

Над цирком заходило жаркое солнце. Сквозь розовый шелк, натянутый над гигантским амфитеатром, тяжелые лучи падали на арену. Плавилась арена, усыпанная медными опилками, в розовом свете плыли статуи богов...

Посреди арены высился золотой крест. Под крестом горела золотом громадная бочка.

И в этом пылающем розово-золотом свете возник на арене прекрасный юноша. В золотом венце, в золотой тоге — совершеннейший Аполлон. Только вместо сладкозвучной кифары в руках Аполлона был бич.

И, бурно приветствуя этого странного Аполлона с бичом, понеслись крики толпы:

— Да здравствует цезарь Нерон!

— Ты наш отец, друг и брат, ты хороший сенатор, ты истинный цезарь!

Это были загадочные крики, ибо гигантский цирк был совершенно пуст.

Пустые мраморные скамьи амфитеатра сверкали в догорающем солнце.

Заходило солнце. В тени мраморного портика сидел старик. С тихой улыбкой старик смотрел вдаль — как тонул в сияющем озере солнечный диск. Безжизненная, морщинистая, похожая на срез дерева рука старика машинально мяла свиток.

Отряд преторианских гвардейцев спешил к виллы.

Сверкая доспехами, трибун Флавий Сильван ступил на мраморный пол.

Была ночь, когда носилки со стариком, окруженные эскортом гвардейцев, приблизились к Риму. Рим не спал в

эту ночь. Толпы людей с факелами заполнили ночные улицы, грохотали колымаги, запряженные волами.

В колымагах над головами толпы раскачивались в огромных клетках львы, слоны, тигры, носороги... Грохот повозок, крики животных, улюлюканье людей.

Толпа преградила дорогу носилкам. Не открывая занавесей, старик слышал близкие голоса толпы:

— Тигр-то какой. у, тигрюга! Ишь, закрутился, как мышь в ночном горшке!..

— Льва приручил сам Эпиан. Говорят, он подарил таково льва Поппее Сабине и лев разглаживал ей морщинки языком. Чего хохочешь? Лев даже обедал вместе с нею за одним столом!

— Указальщик мест сгоняет меня и орет: «Эти места для сенаторов. для сенаторов!.. Так тебя разэтак!..». Тогда я сажусь на крайнее место — три четверти зада у меня висит, то есть я как бы стою. Но четвертью задницы сижу — сижу на сенаторских местах!..

Старик слушал все эти крики и хохот толпы. Отвращение и грусть были на его лице.

— С дороги! Прочь! — гремел где-то рядом голос трибуна. Потом глухо ударили палки по человеческой плоти. Вопли избиваемых людей. И уже побежали рабы, и понеслись в римской ночи носилки. Туда, туда — где нависла над вечным городом громада нового цирка.

Сквозь орущую, гогочущую вокруг цирка толпу, сквозь когорты гвардейцев носилки со стариком проследовали внутрь цирка. Трибун помог старику сойти с носилок. Прямой, величественный и гордый, старик неторопливо вышел на арену.

В свете факелов, горящих на пустой арене, ждал его Аполлон с бичом.

Увидев старика, Аполлон бросился ему на грудь, обнял его. Это были какие-то яростные объятия. Он будто душил старика — и лихорадочно приговаривал, почти кричал:

— Сенека! Учитель! Сенека!..

— Нерон. Великий цезарь. — пытаюсь вырваться из этих жестоких объятий, бормотал старик.

Но Нерон сжимал его еще яростнее:

— Ну что ты. это для других я цезарь. А для тебя всего лишь твой послушный ученик Нерон.

Наконец Нерон выпустил Сенеку из объятий, будто оттолкнул. Потом с удивлением посмотрел на него. И, бесцеремонно приподняв край тоги, обнаружил тунику и шерстяной нагрудник

— Такая теплая ночь. А ты так укутался, учитель?

— Старость, Цезарь. Охладела кровь. И вечерами я надеваю две туники, обмотки на бедра. И все равно...

Но Сенека не закончил. Из тьмы на арену вышел могучий немолодой мужчина в тоге римского сенатора. За сенатором с серебряной лоханью в руках следовало некое прекрасное существо: грива спутанных волос, огромные глаза и нежное, тщедушное тело мальчика. Этакий Амур.

— Рад тебя видеть, сенатор Антоний Флав, — обратился Сенека к гиганту-сенатору.

Но сенатор смотрел на Сенеку невидящими глазами. Нерон с каким-то любопытством следил за сценой.

Возникла неловкая тишина, и Сенека неторопливо, величественно продолжал:

— Позволь мне приветствовать тебя, друг мой Антоний Флав, старинным приветом, которым наши деды начинали свои наивные добрые письма: «Если ты здоров — это хорошо, а я — здоров».

И тогда Нерон поднял бич — и сенатор отчетливо заржал. Ужас — на лице Сенеки. Но только на мгновение. И вновь лицо его стало бесстрастным и спокойным.

— Ах, как повеяло нашей величавой римской древностью! — как-то светски заговорил Нерон. — Как они умели ухватить главное: «Если ты здоров — это хорошо». Именно — здоров, — Нерон усмехнулся, — то есть живой. Но одного не пойму, учитель. Почему ты все время обращаешься к сенатору Антонию Флаву? Где ты увидел здесь мудрого сенатора?

Сенека молчал.

— Может, ты видишь сенатора? — обратился Нерон к Амuru.

Амур, молча улыбаясь, удивленно пожал плечами и протянул серебряную лохань сенатору. Сенатор начал торопливо, неумело поедать овес из лохани.

— Ты ошибся, учитель, — продолжал благодушно болтать Нерон. — Антоний Флав — видный мужчина, его трудно не заметить. Да и что здесь делать твоему другу и солнцу мудрости — сенатору Антонию Флаву? Сейчас ночь, и он преспокойно храпит в своей постели. А здесь только я — твой ученик Нерон. — И, улыбаясь, он кивнул на Амура: — Да вот еще — прелестная девушка. И вот, — Нерон нежно улыбнулся и указал бичом на сенатора, — старый мерин.

И Нерон ударил бичом — сенатор торопливо заржал.

— Какой ужас, Цезарь, — воскликнул Амур, — ему на круп сел овод!

Нерон поднял бич, и сенатор показал, как он отгоняет хвостом овода.

— Отогнал, но очень неумело.

Нерон ударил сенатора бичом, и тот, будто винясь, опять покорно заржал.

— Как я рад тебя видеть, — продолжал как ни в чем не бывало светски беседовать Нерон. — А как она рада тебя видеть...

И тотчас перед Сенекой дьяволенком запрыгал Амур.

— Ты, конечно, узнаешь это прелестное лицо? — добро улыбался Нерон.

— Конечно, я узнал его, Цезарь, — ответил Сенека. — Это твой раб — мальчик Спор. За время моего отсутствия в Риме он подрос — и оттого пороки на его лице стали откровеннее.

— Да что ж ты такое несешь, Сенека! — всплеснул руками Нерон. — Где ты увидел мальчика Спора?! Подойди сюда, крошка.

Амур с ужимками подошел вплотную к Сенеке.

— Неужто так ослабело твое зрение, — продолжал сокрушаться Нерон. — Да это же прелестная девушка! Вот — крохотная грудь. Вот — юные крепкие бедра. Ну?.. Ты видишь девушку? Я спрашиваю!

Сенека молчал.

Нерон поднял бич — и тотчас заржал сенатор.

Нерон темно усмехнулся:

— В последний раз, Сенека. Перед тобою старый конь и юная девица. Гляди внимательнее. Ты их видишь?

Глаза Нерона неподвижно смотрели на Сенеку. Но Сенека молчал по-прежнему. И тут Нерон добродушнейше расхохотался и обнял Сенеку.

— А все потому, что ты давно не бывал в столице. Заперся, понимаешь, в своих усадьбах. У, брюзгливый провинциал!.. Ну и в результате ты не в курсе последних римских событий. Но я все прощаю своему учителю. Объясняю. Помнишь, ты рассказывал мне в детстве, у горящего камелька, про превращения, про все эти метаморфозы, которые так любили устраивать великие боги. Ну, к примеру, для великого Юпитера превратить какую-нибудь нимфу в козу, в кипарис — что мне плюнуть! И знаешь, я задумался. Все-таки я Великий цезарь, земной бог. А почему бы мне не заняться тем же, следуя богам небесным? К примеру, у меня умерла жена Октавия. А хочется жену. Спрашивается: где взять?

— В женщинах так легко ошибиться, — вздохнул Амур.

— Именно, — подтвердил Нерон. — И тогда я совершаю метаморфозу. Я превращаю хорошо тебе знакомого мальчика Спора в девицу! Грандиозно, да? Как я это сделал? Я собрал наш великий законодательный орган — нашу гордость и славу — римский сенат. И сенат единогласно постановил. — Он впросительном повороте посмотрел на Амура.

— Считать меня девушкой, — восторженно закончил Амур.

— На днях я женюсь на нем, — скромно сказал Нерон, — то есть прости... на ней! Гениально? Да здравствует сенат! Речь! — завопил Нерон.

И он ударил бичом. И сенатор величаво выступил вперед. Стараясь не встречаться глазами с Сенекой, он патетически начал:

— Можно сжечь Рим, можно разрушить его дома. И все-таки Рим устоит! Ибо не камнями домов славен наш город! А свободой и законами, олицетворенными в нашем древнем сенате. Жив римский народ — пока жив сенат!

— Каков жеребец! — восторженно захолопал Нерон.

Амур подхватил аплодисменты. И вслед откуда-то из под земли раздались приветственные крики.

— Это тоже моя метаморфоза: я превратил солнце мудрости — сенатора Антония Флава в коня! Теперь у меня в стойле сразу жеребец и сенатор. Я улучшил породу. И потому я прозвал этого мерина Цицерон, в память о другом твоём любимце.

Усмехаясь, Нерон неотрывно глядел в глаза Сенеки. Но ничто не дрогнуло в лице старика.

— Но я продолжил метаморфозы. Заметь, ты не отгадал уже две! А ведь я все считаю, учитель. Так что постарайся угадать мою третью.

И Нерон ударил бичом. И тотчас в середине арены, там, где находилась пегма — квадрат, покрытый досками, — произошло движение. Доски вдруг поднялись, как лепестки распустившегося цветка. И среди них из-под земли медленно выростала прекрасная нагая девушка. В золотой раковине в свете факелов она возникла на мерцающей арене — как та богиня из пены вод. И вослед этой явившейся Венере страшно неслись из-под земли озлобленные, угрожающие крики и гогот.

Нерон воздел руки в немом восторге. Амур схватил невидимый лук и выпустил невидимую стрелу в грудь Нерона. Как бы пораженный стрелой, Нерон схватился за сердце. А Венера, будто обессиленная своим рождением, лениво покачивая бедрами, шла-плыла по арене.

— Непроворна? — зашептал Нерон Сенеке. — Она побывала в трудном сражении — там. — И Нерон указал вниз, откуда неслись крики.

Амур захохотал.

— Ах да, прости, учитель, ты ведь не знаешь, что у нас там. — И, обняв Сенеку, Нерон поволок его к центру арены.

В глубине под досками оказалась решетка. Под решеткой открывалась подземная галерея. Она шла вправо и влево. В левой ее части был сад. К деревьям, увешанным фруктами, привязано было множество щебечущих птиц...

— Под садом — машины, — шептал Нерон. — Завтра они в мгновение поднимут этот сад на арену. И наше быдло, прости, великий римский народ, набросится на даровые плоды, давя друг друга. Но это будет в перерыве. Когда проголодаются. А сначала. Смотри, смотри туда, праведник!..

С другой стороны галереи открывалась длинная полость — большая подземная цирковая зала, куда обычно крючьями стаскивают трупы с арены. Сейчас большая зала была великолепно убрана. Курились благовония, горели масляные лампы. Бесконечный пиршественный стол, уставленный фантастическими яствами, уходил во тьму. Вокруг стола на ложах, cere-

монно опершись о левую руку, возлежали молодые мужчины и женщины. Рабы торопливо сновали между ложами, наливая вино в кубки.

— Это убойные люди, — зашептал Нерон, прижимая голову Сенеки к решетке. — Ты хоть знаешь, что будет завтра?.. Почему не спит Рим?

— Я не знаю, Цезарь, что будет завтра, — равнодушно ответил Сенека.

— Да, да, конечно, ты выше суеты, и все мирское тебе чуждо. Завтра в Риме я открываю этот цирк. Не хочу хватать, ты и сам видишь — это величайший цирк.

Нерон уже волок Сенеку по арене к мрачному зданию, находившемуся против императорской ложи. Тринадцать огромных дверей здания были обращены на арену.

Нерон открыл маленькое окошечко в самой большой двери и, прижав голову Сенеки к решеточке, провозгласил:

— Бег колесниц!

Красавцы кони стояли в стойлах. Крайнее — мраморное — стойло оставалось пустым.

— Ты догадался, для кого этот драгоценный мрамор? — шептал Нерон. И грозно обернулся на сенатора. Сенатор торопливо заржал. — Его дом!

Рыканье львов, трубные крики слонов раздавались в ночи за другими закрытыми дверями.

— Слышишь, слышишь, как они голодны?.. Грандиозно? — Нерон уже волок Сенеку обратно в центр арены. — Ну естественно, сенат постановил назвать в мою честь завтрашние игры Нерониями. По-моему, удачное постановление.

И он опять пригнул голову старика к решетке. И опять Сенека увидел чудовищное подземелье.

— Эти ребята, — шептал Нерон, — завтра откроют мои Неронии. Эти миляги утром выйдут сюда, на арену, сразиться с теми дикими зверями и будут разорваны в клочья, а уцелевшие убьют друг друга в бою... Но погляди, как они сейчас веселятся!

Крики восторга, визги женщин неслись сквозь решетку.

— Я велел им дать, — усмехнулся Нерон, — самые тонкие яства. Они пьют вино вволю и жрут от пуза. Смотри, что они выделывают со шлюхами! Заметь, это самые дорогие римские девки. Ты погляди, какие утонченности! Кстати,

эти гладиаторы тоже одна из моих метаморфоз. Я превратил завтрашних убойных людей в царей на одну ночь. И видишь — хохочут. Счастливы. Забыли о завтра. А мы с тобой глядим на них сверху.

— А в это время на нас, предающихся забавам, тоже глядят сверху.

— Да, да, и тоже. смеются? — подмигнул Нерон.

— Что делать, Цезарь, — равнодушно ответил Сенека, — у нас с этими одна участь. Только у этих — утром, а у нас чуть позже.

— Как мудро! — Нерон улыбнулся. — Чуть позже. Ах, как ты удачно сказал! Запомни эти свои слова, Сенека. Значит, чуть позже?

И Нерон добавил, лаская Венеру:

— Вот откуда ты пришла. Ну расскажи нам, девка, как ты достойно сражалась там, внизу.

И, раскачивая бедрами, Венера начала показывать свою битву.

— Прости, — засмеялся Нерон, — она не умеет словами. Она так прекрасна, что ее сразу заставляют действовать. И она попросту разучилась говорить!

И Венера, смеясь, продолжала свою похотливую пантомиму.

— Но вот я, земной бог, велю ей. — сумрачно сказал Нерон.

И Венера остановилась как вкопанная. Застыла в немой величественной позе — теперь она вся была гордость и неприступность.

— Метаморфоза! — вскричал Нерон. — Она превратилась!.. Кто перед тобой сейчас, учитель? Ну? Узнал?

— Передо мною шлюха, Цезарь, — ответил Сенека.

— Да у тебя очень плохо со зрением, Сенека. Ну что ж, будем намекать. Кто самые целомудренные женщины в Риме? Ты ответишь: жрицы богини Весты, ибо они дали обет вечного целомудрия. А кто из этих целомудренниц самая целомудренная? Естественно, скажешь ты, Верховная жрица, несравненная дева Рубирия: ей двадцать пять лет, она прекрасна и не познала ни одного мужчины. Значит, перед тобой кто, Сенека? Ну?!

— Я с рождения знаю непорочную деву Рубирию из великого рода Сабинов. А передо мною — все та же шлюха.

— Этот гадкий провинциал абсолютно не в курсе нашей римской жизни, — вздохнул Нерон, обращаясь к Амуру. И, обняв Сенеку так, что старик опять задохнулся в его объятиях, Нерон благожелательно пояснил: — Эту самую непорочную деву Рубирию, которую ты знал с рождения, я, попросту говоря, изнасиловал, прости за откровенность... Ну изнасиловал — и все дела! Но ты учил меня: цезарь всегда должен радовать о нуждах своего народа! Не могут же эти болваны римляне остаться без символа целомудрия! А слухи ползут, в городе ропот. Как быть?

Амур сделал сочувственное лицо:

— Я собираю.

Сенатор с готовностью заржал.

— Да, собираю наш великий сенат, — подтвердил Нерон. — И сенат издает постановление — считать изнасилованную Рубирию. девушкой! Все тут же успокоились? Довольны? Ни черта подобного! Беда римлян — они абсолютно лишены чувства юмора. Эта самая Рубирия, которую уже опять все считали целомудренной, удавилась! Что делаю я? Метаморфозу! Я тотчас вспоминаю твое учение о единстве противоположностей в природе. И начинаю думать: кто же в Риме может стать самой целомудренной женщиной?..

Амур хохочет — и выталкивает вперед Венеру.

— Да, да, — вздохнул Нерон, — на днях соберется сенат и примет закон: считать эту тварь Верховной жрицей богини Весты! Символом целомудрия! Фантастика, да?

— Зачем ты позвал меня в Рим, Великий цезарь? — спросил Сенека.

— Все-таки не выдержал, спросил, — усмехнулся Нерон. Он приник лицом к лицу Сенеки и зашептал: — Когда тебя поволок в Рим мой трибун — била дрожь? Вон сколько на себя напаялил — а все равно знобило?.. — И, оттолкнув Сенеку, добавил совсем добродушно: — А ты сам не догадываешься? Я тоскую по тебе. а ты нас не любишь! Не хочешь даже поиграть с нами в метаморфозы. — И тут Нерон остановился, воздел руки к небу и закричал патетически: — Какие метаморфозы?! Как я мог забыть?! О боги, я, хозяин, до сих пор не позаботился накормить дорогого гостя!

Амур тотчас выхватил у сенатора серебряную лохань с овсом и бросился к Сенеке.

— Идиот! — закричал Нерон. — Что такое еда для философа? Это умная беседа! — И Нерон величественно приказал Амуру: — Немедленно привести сюда четырех самых мудрых собеседников Сенеки!

Амур выхватил из темноты свиток и приготовился записывать.

— Прежде всего, конечно, сенатора Антония Флава. Ой, прости, сенатора Флава нельзя: он превратился в лошадь.

Раздался нежный смех Венеры.

— Да, да... Но зато трое других — они остались! — продолжал Нерон. — Немедля послать за тремя неразлучными друзьями мудрейшего Сенеки — сенатором Пизоном... сладкоречивым консулом Латераном... Ну и, естественно, за Луканом, нашим величайшим римским поэтом Луканом. Ах, любимец Рима.

— Душка Лукан, — в восторге щебетал Амур.

— Не следует их тревожить, — прервал Сенека. — Эти почтенные и немолодые люди давно спят.

Нерон залился добрым смехом:

— Как ты сказал: давно спят? Опять удачная фраза! Что ты, Сенека, какой сегодня сон? Ты же сам видел — толпа. грохот повозок. Где уж тут заснуть! Любимые сограждане с вечера толкуются у цирка. Чтобы первыми с утра занять лучшие даровые места. Они так орут, что я трижды посылал когорта разгонять эту сволочь. прости, великий римский народ. Сколько их завтра здесь соберется! Знаешь, Сенека, говорят, цезарь Кай, когда дикие звери пожрали на арене всех убойных людей и все равно не могли насытиться, приказал бросить на арену наших замечательных сограждан. Их выдергивали прямо из рядов. Прости, тебе неприятно. Но ты не беспокойся, у нас завтра этой проблемы не будет, — он указал на подземелье, — мяса хватит на всех!.. Что ты стоишь? — грозно обратился Нерон к Амуру. — Друзья Сенеки будут просто счастливы обменять эту бессонную ночь на беседу с мудрейшим из римлян. Зови их, и побыстрее, ягодка моя.

И Амур, перевернувшись колесом, исчез в темноте главного входа.

— Да, значит, зачем я позвал тебя в Рим? — добродушно спохватился Нерон. — Просить вернуться. Мне так одино-

ко. Я устал от Тигеллина. От проклятого кровожадного Тигеллина. Ну почему ты не хочешь жить с нами в Риме?

— Прости, Великий цезарь, но для меня здесь нет покоя. На рассвете меня будит противный крик менял. Чуть сомкнешь глаза — начинает бить кузнечный молот. А воздух? Чем мы тут дышим? Дымом кухонь! А Тибр? Там же плавают невесты что! И теперь, когда я живу на природе среди незамутненных ручьев.

И тут Сенека столкнулся глазами с сенатором, уныло поедавшим овес из лохани. И красноречие его иссякло.

— Отвечу! — закричал Нерон. — Да, загрязняем реки, да, портим природу, да, шумим! Но зато, учитель, мы живем с тобой в просвещеннейший из веков. Если бы наши деды увидели, к примеру, стекла наших домов, через которые проходит свет.

Он поволок Сенеку к центру арены, туда, где решетка покрывала застекленное отверстие. Сквозь решетку был виден страшный пир — яростное непотребное веселье.

— Грандиозно, — шептал Нерон. — А деды-то прозябали во тьме! Или это последнее наше изобретение — трубы, вделанные в стены, по которым само идет тепло, так что в доме можно зимой жить как летом... А изобретение стенографии? Так что руки теперь поспевают за проворством языка!..

На арену торжественно вышел Амур.

— Сенатор Пизон... — начал Амур. и замолчал.

— Слышу его шаги! — радостно закричал Нерон. — Пизон уже спешит прервать мои докучные речи! Почему ты молчишь, любимая?

Но Амур только скорбно опустил голову. И сенатор, пряча глаза, заржал.

— Заржала лошадь — плохое предзнаменование, — запричитал Нерон. — И хотя Сенека учил меня не верить предзнаменованиям, я трепещу.

— Мы послали за сенатором Пизоном трибуна Флавия Сильвана с гвардейцами. — начал Амур.

— Ну! Ну! — в ужасе торопил Нерон.

— Трибун подошел к его дому. Постучал. Но сенатор Пизон, услышав этот стук, немедля позвал своего хирурга — и вскрыл себе вены.

— Как?! Почему?! — всплеснул руками Нерон.

— Неизвестно, Цезарь. Сенатор Пизон оставил завещание, где все имущество завещал тебе, Великий цезарь.

— Какая неожиданная смерть! Пизон! Великий богач! Великий мудрец!.. Осиротели!

Сенека бесстрастно слушал его вопли.

— Нет, я разделяю твою горе, учитель: один друг превратился в лошадь, другой зарезался!

— Но осталось еще двое в этом союзе мудрецов, — робко подал голос Амур.

— Немедля послать за ними трибуна Флавия Сильвана с гвардейцами! И разбудить Тигеллина! Где Тигеллин?! Где начальник тайной полиции?! В городе режут сенаторы.

— За Тигеллином будет послано, Цезарь, — сказал Амур.

— Тигеллин расследует. — забормотал Нерон. — Вот придет Тигеллин. — И тут Нерон остановился и добавил добродушно: — Да, зачем я позвал тебя в Рим?.. Ну естественно, чтобы узнать: не нуждается ли в чем мой старый учитель?

— Ты осыпал меня такими милостями, — спокойно отвечал Сенека, — что моему счастью не хватает только одного — меры. С тех пор как я удалился от дел, я живу в пожалованных тобою поместьях.

— Да, да, — бормотал Нерон.

— И хотя дух мой, — продолжал Сенека, — всегда удовлетворялся немногим, но поместья мои благодаря твоей милости...

— Да, да, бескрайни. И, говорят, приносят огромные доходы? — продолжал бормотать Нерон.

— Вот это особенно меня печалит. Я учу воздержанию и умеренности, а сам купаюсь в роскоши. И как, обессилев в походе, я стал бы просить тебя о поддержке, так теперь, достигнув старости и не имея сил нести бремя богатства, прошу лишь об одном: возьми назад пожалованное тобою.

Визги и крики неслись из подземелья. Нерон бросился к решетке, заглянул вниз.

— Гениально! — И обратился к Сенеке: — Прости. Как сладостна твоя речь! Но тем, что без запинки смогу тебе возразить, я ведь тебе обязан. Ты научил меня всему, в том числе и ораторскому искусству. Неужели воспитание це-

заря не заслуживает жалкого десятка вилл? Любой спекулянт у нас имеет больше! Нет, Сенека, я еще не расплатился с тобой как должно! — И, обняв Сенеку и прохаживаясь с ним по арене, Нерон добродушно говорил: — Помнишь, в дни юности, у камелька, ты рассказал мне, как некий философ взялся воспитывать ученика? Когда же пришла пора расплачиваться, ученик не заплатил. Философ повел ученика к судье. И ученик объяснил: «Этот философ обещал научить меня добродетели. Я не заплатил ему. Следовательно, нагло обманул. Следовательно, я бесчестен. Следовательно, он ничему меня не научил! А можно ли платить за ничто?» Грандиозно? Умение правильно оценить труд — черта богов и мудрых властителей. Так учил меня ты. — И Нерон приблизил лицо к лицу Сенеки и зашептал: — Я позвал тебя в Рим, чтобы по справедливости расплатиться с тобой.

Из тьмы на арену выпрыгнул Амур.

— Консул Латеран. — торжественно начал Амур и замолчал.

— Наконец-то! Консул Латеран! Его шаги! Сейчас он усладит тоскующий слух Сенеки!.. — И тут Нерон взглянул на Амура и в ужасе прошептал: — Ты молчишь?

Сенатор заржал.

— Нет! Нет! — патетически кричал Нерон.

— Трибун Флавий Сильван подошел к его дому, — начал Амур, — но Латеран уже позвал хирурга. И когда трибун постучал в дом почтенного консула — Латеран перерезал себе вены.

— Да что они, взбесились?! Какой ужас! И этот мудрец сбежал от нас!

— Но все имущество Латеран завещал тебе, Великий цезарь.

— Немедленно послать... — начал Нерон.

— Трибуна Флавия Сильвана... — продолжал Амур.

— За поэтом Луканом! — кричал Нерон. — За последним из мудрецов! Теперь он нам особенно желанен.

Амур потрепал сенатора по воображаемой холке и подсыпал ему овса в лохань.

— За то, что хорошо предсказываешь римских мертвецов, — засмеялся Амур и исчез с арены.